

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ СЪ ЕЯ БРАТЬЯМИ.

Подлинныя своеручныя Записки пресловутой княгини Екатерины Романовны, на Французскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ ея Московскимъ домомъ на Большой Никитской (нынѣ Консерваторія) перешли въ собственность ея племянника графа М. С. Воронцова и обнародованы лишь въ 1881 году въ „Архивѣ Князя Воронцова“ (кн. 21-я). Англійскій же пересказъ Записокъ съ дополненіями былъ изданъ еще въ 1842 году въ Лондонѣ Англичанкою Бредфордъ, послѣ того какъ ей не удалось продать эту рукопись графу М. С. Воронцову, бывшему тогда Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Эти Англійскія Записки долгое время оставались запретною для насъ книгою, какъ и все касавшее Петра III и воцаренія Екатерины II. Въ 1859 году Герценъ въ Лондонѣ издалъ Русскій ихъ переводъ, и послѣ этого онѣ появились во Французскомъ и Нѣмецкомъ переводахъ. С. Д. Чичулинъ въ 1905 году помѣстилъ въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“ превосходный очеркъ жизни и дѣятельности княгини Дашковой, съ указаніемъ всего, что до сихъ поръ появлялось о ней въ печати. Но живыя черты этой необыкновенной женщины являются не столько въ ея самохвальныхъ Запискахъ, нуждающихся въ замѣчаніяхъ и опроверженіяхъ, какъ въ ея перепискѣ, которая велась большею частію по-французски и помѣщена въ „Архивѣ Князя Воронцова“, и изъ которой выдержки приводимъ. Она напечатана въ нѣсколькихъ книгахъ „Архива Князя Воронцова“. П. Б.

Письмо графа Александра Романовича.

1.

Милостивая государыня,
Дражайшая сестрица!

Очень вамъ благодаренъ за Ваши привѣтствія, переданныя мнѣ капитаномъ Тиромъ, прибывшимъ сюда курьеромъ. Приношу Вамъ также мои искреннѣйшія поздравленія съ орденомъ, коимъ вы пожа-

лованы, какъ и особливо по поводу доказанной Вами преданности Ея Величеству, при ея восшествіи на престолъ. Ея царствованіе сулитъ Россіи безконечное благоденствіе, о каковомъ я и буду постоянно молиться.

Господинъ Тиръ передалъ мнѣ еще ваше желаніе имѣть Англійскіе часы; но хорошіе можно получить только по заказу, почему я и не посылаю вамъ часовъ съ нимъ, а заказалъ для васъ часы.

Вижу, по всему доходящему до меня изъ Петербурга, что Императрица безгранично добра до васъ; поэтому я не нахожу оправданія вашему небреженію къ участи сестры нашей Елисаветы, о которой я не знаю даже, гдѣ она. Допустимъ даже, что она была непочтительна къ Государынѣ (о чемъ, однако-же, мнѣ ничего неизвѣстно), вамъ и тогда слѣдовало-бы испросить ей помилованіе, вмѣсто всякой награды себѣ, и предпочесть это Екатерининской лентѣ. Тогда Вы-бы остались вѣрны тѣмъ высокимъ правиламъ, о которыхъ я слышалъ разглагольствованія Ваши, дававшія мнѣ право считать Васъ равнодушною къ человѣческимъ почестямъ. Но, какъ я вижу теперь, я ошибался въ Васъ: моя сестрица дорожитъ ими, не менѣе другихъ.

Вы мнѣ скажете, можетъ, въ свое оправданіе, что сестра наша не сдѣлала для Васъ всего, чтѣ могла бы, за время своего случая. Но я былъ свидѣтелемъ*) того, что она не имѣла на это никакой возможности. А еслибъ даже Вашъ доводъ былъ справедливъ, то развѣ небреженіе нами даетъ намъ право платить тѣмъ же? Далеко завело бы насъ подобное правило, и какъ оно всего менѣе соответствовало бы высокимъ сентиментамъ, о которыхъ я слышалъ Ваши проповѣди и для проведенія которыхъ въ жизнь Вамъ представляется, кажется, случай. Подобнымъ правиломъ Вы доказали бы только, что отъ слова до дѣла далеко.

Съ тѣмъ бѣльшимъ нетерпѣніемъ буду поджидать отвѣта Вашего; имъ я устанавливаю мое сужденіе о поступкахъ Вашихъ, относительно сестры нашей. А до полученія онаго, воздержусь отъ сужденія, желая только, чтобъ Вы оказались такою, какъ я Васъ желаю знать.

Васъ удивитъ, можетъ, и разсердить моя откровенность, какъ единственное пріобрѣтеніе, сдѣланное мною, за время моего пребыванія въ Лондонѣ. Надѣюсь, оно придется Вамъ по вкусу.

Лондонъ, 6 (17) Августа 1762 г.

---

*) Въ кратковременное пребываніе въ Петербургѣ, при Петрѣ III, весною 1762 г., Графъ Александръ Романовичъ на 22 году возраста былъ уже посланникомъ въ Англии. П. Б.

2.

Я Вамъ безконечно обязанъ за письмо, отъ 2 Августа, недавно мною полученное и единственное дошедшее до меня отъ Васъ, послѣ великаго переворота, происшедшаго въ Россіи. Вы могли видѣть изъ моего послѣдняго къ Вамъ письма, какъ обрадовали меня милости, коими Императрица Васъ удостоиваетъ. Одинаково радуюсь и помилованію супруга Вашего, и прошу передать ему мое почтеніе, если онъ еще помнитъ меня.

Жду отъ дружбы Вашей, что Вы повергнете меня къ стопамъ Ея Величества, вмѣстѣ съ моею благодарностію за милостиво принятое письмо мое изъ Голландіи, хотя, вѣроятно она не успѣла и взглянуть на посланную книгу такъ обременила она себя многими трудами, пожелавъ участвовать во всѣхъ дѣлахъ своего сана. Еслибъ я только зналъ, что сдѣлаю этимъ угодное Ея Величеству, я продолжалъ бы высылать ей все интересное по части литературы. Я и Васъ снабжалъ бы этимъ, и мнѣ было-бы пріятно вести съ Вами правильную переписку. Особенно жду съ нетерпѣніемъ отвѣта на мое послѣднее къ Вамъ письмо и начинаю радоваться, что мое мнѣніе на счетъ Васъ, повидимому, ошибочно, и что Вы поступали какъ слѣдовало относительно своихъ родственниковъ. Вашъ отвѣтъ выведетъ меня изъ моихъ сомнѣній касательно Васъ.

Милости, коими Васъ осыпала Ея Величество, даютъ Вамъ возможность, дорогая сестрица, оказывать многимъ услуги. Полагаюсь на ясность Вашего ума, въ моей надеждѣ, что Вы съумѣете выдвигать талантливыхъ. Мнѣ только остается, по безпристрастной дружбѣ къ Вамъ, убѣдительно просить Васъ дѣлать добро насколько можно больше, не мстить за зло и не кичиться ни передъ кѣмъ, такъ какъ земное величіе мало прочно, но, въ случаѣ его утраты, если Вы дѣлали только доброе, за Вами останется неотъемлемое общественное уваженіе или, по крайней мѣрѣ, чистая совѣсть. А это много значить и на этомъ свѣтѣ и въ будущемъ. Въ противномъ же случаѣ, всякій кромѣ безучастности къ постигнутому Васъ несчастію, постарается еще и умножить его, въ отместку за выстраданное черезъ Васъ.

Безполезно распространяться мнѣ о семь долѣ: такъ я увѣренъ, что Вы лучше меня сознаете все преподанное мною тутъ.

Можно дѣлать добро своей семьѣ, безъ обвиненія насъ въ честолюбіи. Вѣдь это законъ предписанный намъ природою и всѣми одобряемый, пока онъ не выходитъ изъ границъ справедливости и умѣ-

ренности. Я не говорю Вамъ объ оказаніи помощи тѣмъ изъ семьи нашей, которыхъ постигло несчастье, такъ какъ челоуѣколюбіе и религія повелѣвають намъ это даже относительно всякаго посторонняго. Надѣюсь поэтому, что Вы и поступили такъ съ сестрицей нашей Елисаветой, хотя доказательствъ на это у меня еще нѣтъ, ибо я не знаю, гдѣ она находится.

Всѣ эти соображенія вынуждаютъ меня, какъ друга Вашего, радѣющаго о Вашей славѣ, побуждать Васъ, на случай, что Вы не облегчили судьбу сестрицы нашей, принять въ ней участіе и устроить ее покойно. Полагаю, что на большее она и не въ правѣ рассчитывать. Не заглушая въ себѣ естественныхъ чувствъ, Вы докажете всѣмъ свою правоту, а у завистниковъ отнимете, по крайней мѣрѣ, возможность чернить Васъ, такъ какъ, повторяю Вамъ, какъ челоуѣкъ прямой и другъ Вашъ, что въ глазахъ мудраго двадцать громкихъ дѣлъ ни-что противъ пренебреженія своими кровными обязанностями.

Для меня не будетъ бѣльшей радости, какъ узнать, что моя сестра выполнила все должное своимъ кровнымъ; а моей дружбѣ къ Вамъ польститъ, что мои совѣты совпадаютъ съ Вашимъ образомъ мыслей. Я не требую отъ Васъ ничего больше и не престану желать Вамъ счастья, какъ и того, чтобъ Вы способствовали счастьемъ тѣхъ, кто онаго достоинъ. Съ полнымъ уваженіемъ пребываю и пр.

Лондонъ, 30 Августа (10 Сентября) 1762.

Княгиня Дашкова графу А. Р. Воронцову.

Дорогой братецъ!

Я только что получила, одно за другимъ, Ваши два послѣднія письма, въ которыхъ Вы заговорили со мной совсѣмъ иначе. Позвольте мнѣ сказать Вамъ, что Вамъ слѣдовало бы быть болѣе осмотрительнымъ въ сужденіяхъ Вашихъ о сестрѣ, никогда не срамившей Вашей фамиліи и честное имя которой внѣ всякихъ подозрѣній, а гнусность ихъ только и можетъ пасть на распускающихъ оныя. Вещи сестры моей, бывшія у меня и ей возвращенныя, не были изъ такихъ, чтобъ я ими соблазнилась и тѣмъ пошатнула мое безкорыстіе и нравственные мои устои, достаточно, кажется, доказанные мною теперь. Признаюсъ Вамъ прямо, что я заподозрѣваю Вашу искренность касательно того, что Вы говорите о полученіи Вами въ Лондонѣ черезъ путешествен-

никовъ этого извѣстія. Только люди безчувственные и ожесточенные противъ меня могли возымѣть такія нелѣпыя мысли, не имѣющія и тѣни вѣроятія, такъ какъ всѣ знали, что у меня на храненіи изъ вещей сестры были только тѣ, которыя она оставила въ комнатахъ Лѣтняго дворца, брилліанты же были у Императрицы, а прочіе шкафы опечатаны Рославлевымъ, и я даже не знала что въ нихъ. Поймите меня какъ надлежитъ, дорогой братецъ, и вѣрьте, что я никогда ничего не сдѣлаю безчестнаго, хотя бы въ ущербъ своему благосостоянію, и разсмотрите всѣ мои дѣйствія, чтобъ убѣдиться, что я, съ твердыми правилами и пренебрегающая богатствомъ, не стану же пріобрѣтать его позорными способами за счетъ искренно любимой сестры. Вамъ извѣстно, конечно, что я ничѣмъ не обязана ни ей, ни кому другому изъ нашей семьи. Любя въ ней только ее, я раздѣляю съ нею всѣ ея непріятности, живо принимая въ ней участіе, не вынужденная къ тому чувствомъ благодарности и, слѣдовательно, по побужденіямъ болѣе достойнымъ. Если Вы пожелаете безпристрастно судить обо мнѣ, то увидите, что поведеніе мое, за время Петра III и въ настоящее царствованіе, достаточно доказываетъ, что меня нельзя заставить дѣйствовать подкупомъ, и что я, знающая цѣну всякой вещи, не могу прельститься бездѣлицами до того, чтобъ опозорить себя. Но, что меня задѣло всего болѣе въ Вашихъ ко мнѣ отношеніяхъ, это злоумышленіе Ваше повредить мнѣ у всѣхъ родственниковъ, пославши имъ всѣмъ копіи съ моего письма. Сознайтесь, что поступили не очень разборчиво. Впрочемъ, не подумайте, чтобъ я пожалѣла, что мое письмо стало всѣмъ извѣстно. Оно никогда не сможетъ повредить мнѣ во мнѣніи людей разсудительныхъ. Писала я его безъ предубѣжденій, безпристрастно, какъ къ брату и другу, который не можетъ подпасть подъ впечатлѣнія несомвѣстимыя съ его отвращеніемъ отъ клеветы.

Умоляю Васъ, какъ сестра и еще болѣе какъ вѣрный другъ, не поддаваться такъ легко кознямъ, которыя подстраиваютъ люди ненавидящіе доброе согласіе и пользующіеся порождаемыми отъ того раздорами. Завѣряю Васъ, что во мнѣ Вы всегда найдете друга, любящаго Васъ нѣжно и радующагося поэтому Вашему возвращенію ко мнѣ. Все, на что я Вамъ здѣсь указываю, исходитъ не изъ злопамятства; я слишкомъ Васъ всегда любила, чтобъ питать противъ Васъ неудовольствіе послѣ того, что Вы, образумившись, обратились опять ко мнѣ. Прощайте, дорогой братецъ.

13 Марта 1763. Москва.

Письмо графа Александра Романовича.

Я получилъ, милостивая государыня, Ваше письмо отъ 13 Марта, въ отвѣтъ на мои два письма. Признаюсь, я ожидалъ совсѣмъ другаго отвѣта, послѣ сдѣланнаго мною снисхожденія моими передъ Вами извиненіями, въ коихъ и не было никакой надобности: все то, что я Вамъ выставялъ, отчасти подтвердилось. Ваше сдержанное письмо тронуло меня тѣмъ болѣе, что я не ожидалъ, что Вы мнѣ отвѣтите; это и подвинуло меня написать Вамъ такъ, что Вы уже приняли это за изъявленіе моей покорности, отъ которой я, по правдѣ сказать, очень далекъ. Повелительный тонъ Вашего послѣдняго письма всецѣло недопустимъ въ Вашихъ обращеніяхъ ко мнѣ. Только изъ уваженія къ правдѣ, вхожу въ эту подробность и отвѣчу Вамъ, пунктъ за пунктомъ.

Во первыхъ, я ничуть не прегрѣшилъ противъ истины, говоря Вамъ, что никто мнѣ ничего не писалъ объ отношеніяхъ Вашихъ къ сестрѣ Елисаветѣ; мнѣ стало это извѣстно не отъ путешественниковъ, и я не говорилъ Вамъ о нихъ, а отъ пріѣхавшихъ на Англійскихъ корабляхъ изъ Россіи пассажировъ, что и подтверждаю снова. Они мнѣ сообщили, по какому поводу Вы посѣтили сестру мою, когда она была арестована въ домѣ отца нашего и объ непримѣрномъ способѣ, коимъ Вы старались ее утѣшить, что мнѣ послужить поученіемъ, а для потомковъ будетъ памятникомъ Вашего безкорыстія. Васъ будутъ выставять примѣромъ, и я заранѣе поздравляю Васъ съ предоставленной Вамъ ролью. Но, не смотря на Вашу знаменитость, Вы могли бы выражаться болѣе вѣжливо, чѣмъ тѣми словами, которыми переполнено Ваше письмо.

Я не былъ бы искрененъ, сказавъ Вамъ, что, послѣ моего послѣдняго письма, я не получалъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о Вашихъ отношеніяхъ къ роднымъ, кромѣ сообщенныхъ пассажирами. Я умолчу объ этихъ отношеніяхъ и думаю, разъ навсегда, покончить съ подобными объясненіями, въ которыхъ такъ трудно, придерживаясь истинѣ, соблюсти вѣжливость, обязательную для насъ обоихъ. Ограничусь поэтому увѣреніемъ, что за приведеніемъ доказательствъ у меня не станетъ дѣло. Вы и сами теперь знакомы съ ними и говорите, что очень любите сестру и что это тѣмъ достойнѣе, что Вы ничѣмъ ей не обязаны, и что любовь, не изъ чувства благодарности, вдвое цѣннѣе. Такъ позвольте-же мнѣ напомнить Вамъ хоть объ извѣстныхъ мнѣ услугахъ, полученныхъ Вами.

Во первыхъ: мужъ Вашъ своимъ посольствомъ въ Константинополь*), обязанъ сестрѣ Вашей; черезъ нея-же и Вамъ было оказано множество любезностей. Должны Вы тоже признать, любя сестру, что всецѣло ей обязаны, если, по Вашей къ ней просьбѣ, Вы избѣгли нежеланнаго путешествія въ Москву и получили предложеніе занять домъ, только что подаренный ей.

Не стану распространяться на счетъ Вашихъ отношеній къ отцу. Вамъ, какъ дочери, понятно, чѣмъ Вы ему обязаны. Всѣмъ извѣстно тоже, какъ много заботились дядя съ тѣтей о Вашемъ воспитаніи и пристройствѣ; надѣюсь, вы не забыли этого. Впрочемъ, если я привожу Вамъ въ память все это, то единственно вслѣдствіе Вашего увѣренія, что Вы ничѣмъ не обязаны роднѣ Вашей, но вовсе не для того, чтобъ Вы вознаградили ихъ какими нибудь услугами. Если они мыслятъ со мной одинаково, то избавятся всѣ отъ оныхъ; да и Вы сами, сказать правду, освободили себя отъ нихъ. Совершенно вѣрно сообщенное Вамъ на счетъ отсылки мною Вашего письма въ Петербургъ къ дядѣ, хотя я и не вижу никакой надобности отдавать Вамъ въ этомъ отчетъ. Скажу Вамъ только, что, сообщая дядѣ обо всѣхъ моихъ хлопотахъ, я не счелъ возможнымъ скрыть отъ него письмо это. Ни съ чѣмъ несообразно, впрочемъ, думать, что я имѣлъ чрезъ это намѣреніе повредить Вамъ, такъ какъ, находясь съ Вами въ одномъ мѣстѣ, дядя могъ судить о Васъ по дѣламъ, не нуждаясь въ письмѣ. Если Вы сохраняете черновики съ Вашихъ писемъ ко мнѣ, то легко увидите, какъ Вы себѣ противорѣчите въ приводимыхъ мнѣ чертахъ своего поведенія; предоставляю Вамъ самимъ сдѣлать изъ этого должный выводъ.

Лондонъ, 17 (28) Апрѣля 1763 г.

Потрудитесь передать мой привѣтъ милостивому государю господину Дашкову, котораго я безконечно уважаю. По всему, чтò мнѣ извѣстно, поведеніе его дѣлаетъ ему только честь. Уваженіе мое не имѣетъ большой цѣны, но я на него скупъ.

*

Княгиня Дашкова графу А. Р. Воронцову.

Москва, 26 Января 1766 г.

Если я еще не писала отцу, чтобъ испросить его прощеніе за мои мнимыя прегрѣшенія, то единственно потому, что боялась поте-

*) Въ Январѣ 1762 князь Дашковъ былъ отправленъ съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Петра III-го. Не успѣвъ онъ доѣхать до Константинополя, какъ Императоръ отрекся отъ престола. П. Б.

рять черезъ это его уваженіе, такъ же какъ и братьевъ. Выслушайте меня, мой другъ; это не порядокъ, но истина, которую Вы, съ Вашимъ умомъ и справедливостію, непремѣнно признаете. Отецъ считаетъ меня, въ настоящее время, въ бѣдственномъ положеніи и вынужденною просить благодѣянія или пособія; если я, ни съ того ни съ чего, стану теперь хлопотать о полученіи прощенія, первая его мысль будетъ истолковать мою покорность выгодою и нуждою, что и многіе другіе подумаютъ съ нимъ за одно. Что-же скажете Вы мнѣ на это, какъ ни то, что, не довольствуясь имѣть чистую совѣсть, не нужно и подавать повода заподозрить Васъ въ противномъ. Я и разсудила выждать благопріятнаго случая и могу Васъ увѣрить, что никогда не пренебрегу возможностію сблизиться съ братьями, чтобъ доказать имъ какъ они ошибаются, считая меня преступною. А еслибъ даже я оказалась виноватой, то не посовѣстилась бы признаться Вамъ въ этомъ: такъ я увѣрена, что несчастія и огорченія, которыя я испытала, расположили бы Васъ простить мнѣ грѣхи мои, такъ Васъ сильно смутившіе. Но клянусь Вамъ, что я перебрала всѣ мои поступки и не нашла въ нихъ ничего обиднаго для отца. Чтобъ покончить съ столь мало утѣшительнымъ предметомъ, скажу Вамъ, что Вашъ другъ Гурьевъ показался мнѣ очень любезнымъ молодымъ человѣкомъ. Я просила его бывать у меня возможно чаще и постараюсь своею привѣтливостію доказать ему, съ какимъ уваженіемъ я принимаю Вашихъ друзей.

Сестра еще не уѣхала. Какъ ни сильно желаемъ мы быть всегда вмѣстѣ, намъ не всегда удастся это. Бывать у нея я опасаюсь, чтобъ не повредить ея дѣлу, такъ что только она ѣздитъ ко мнѣ.

Княгиня Дашкова графу Семену Романовичу.

Москва, 24 Ноября 1767 г.

Съ великимъ удовольствіемъ узнаю, что братецъ мой вновь поступилъ на службу. Сдѣланный имъ шагъ послужить къ его славѣ; у него, по крайней мѣрѣ, есть что-нибудь въ будущемъ, и онъ выведенъ изъ бездѣйствія, которое тѣмъ болѣе было отчаянное, что, въ виду его молодыхъ лѣтъ, длилось бы долго. Вернемтесь-же къ тому, что касается Васъ и чему я очень сочувствую. Мнѣ мнится, что, добившись мѣста *) члена Иностранной Коллегіи, Вы этимъ самымъ всту-

---

*) Я говорила дядѣ Ивану Ларионовичу, чтобъ онъ написалъ касательно сего предмета отцу, что онъ, говорить, и сдѣлалъ. Я сгораю нетерпѣніемъ видѣть Васъ внѣ списка лежебоковъ, къ числу которыхъ относятъ, обыкновенно, всѣхъ придворныхъ.

дите на дорогу, съ которой и не должны сходить, чѣмъ и пріобрѣтете право, при первомъ случаѣ, получить штатную въ ней службу. Постарайтесь же, дорогой братецъ, порадовать меня этимъ. Думаю, что все въ зависимости отъ Вашей доброй воли, такъ какъ, оставаясь камергеромъ, Вы не можете встрѣтить другихъ затрудненій. Относительно моего отъѣзда въ Петербургъ, въ виду слуховъ объ оставленіи онаго Ея Величествомъ, ничего еще не рѣшено. Попрошу Васъ, съ первой же почтой, описать мнѣ, чтѣ Вы знаете вѣрнаго на счетъ этого, чтобъ мнѣ не проѣхаться по пусту. Чтѣ касается Вашей надежды на согласіе отца для нашихъ свиданій, то, какъ ни желательно оно мнѣ, но я мало рассчитываю на полученіе его; но у Васъ, мужинъ, столько способовъ извернуться тайно, что, только было бы у Васъ желаніе, мы сможемъ видѣться часто.

Княгиня Дашкова графу Александру Романовичу.

1.

Вудско, 4 (15) Ноября.

Дорогой другъ и братецъ.

Задержанная здѣсь сломавшеюся каретою, я спѣшу воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ сказать Вамъ, что и я и дѣти совершенно здоровы и, до сихъ поръ, очень легко переносимъ дорогу. Еслибъ не задержка съ каретою, мы были-бы уже теперь въ Данцигъ, куда, тѣмъ не менѣе, я рассчитываю прибыть завтра или послѣзавтра, и пожалуй, только оттуда и смогу отправить настоящее письмо. Не отвѣчала ранѣе на Ваше послѣднее, такъ какъ получила его въ день моего выѣзда изъ Берлина. Я въ восторгѣ отъ принятаго Вами рѣшенія проѣхаться по Сибири, чтѣ развлечетъ Васъ, дастъ другое направленіе мыслямъ и матеріалъ для занятій. Къ тому же, путешествіе это послужитъ Вамъ на пользу въ будущемъ, если не въ настоящемъ. Мнѣ болѣе всего хотѣлось бы побывать въ этой части нашего отечества, ибо смотрю на нее какъ на неизсякаемый источникъ новыхъ открытій и обильныхъ произведеній всякаго рода матери-природы, которыя далеко неизвѣстны у насъ. Будь я въ Россіи, когда Вы предприняли Вашу поѣздку, и еслибъ Вы согласились обременить себя обществомъ женщины (довольно покладистой въ дорогѣ), я съ радостію поѣхала бы съ Вами. Относительно второй части Вашего письма, я не очень-то спокойна, и какъ бы ни называли господствующія въ Москвѣ болѣзни, я страшно встревожена ими. Двадцать выигранныхъ сраженій никогда не принесутъ отечеству моему столько пользы, сколько ему причинять вреда три дня подобныхъ болѣзней; такъ какъ, по моему слабому

сужденію и понятію о настоящей его силѣ и могуществѣ, оно не въ золотыхъ и серебряныхъ рудникахъ, не въ вывозѣ пемьки, лѣса и проч., а въ сбереженіи людьми, что я и посовѣтовала-бы правительству: мы далеки отъ избытка въ народонаселеніи. соотвѣтственно его пространству. При увеличившемся народонаселеніи, наша вывозная торговля, сама собой, приняла бы болѣе правильный и прибыльный ходъ, сравнительно съ ея настоящимъ веденіемъ. Но, я предпочитаю этимъ и кончить, боясь услышать отъ Васъ: „какъ же Вы смѣлы, дорогая сестрица, что беретесь разсуждать о томъ, что выше Вашихъ понятій, да еще съ кѣмъ? съ человѣкомъ, пробывшимъ много лѣтъ посланникомъ въ Англии и Голландіи; возьмитесь-ка лучше за иглу и прялку“. Замолчать, замолчу; но не возьмусь ни за то ни за другое, никогда не державши ихъ въ рукахъ. Но, чтобъ не остаться безъ дѣла и наказать Васъ за наложенное мнѣ молчаніе, я поручаю Вамъ доставить мнѣ нѣсколько строкъ отъ Сенюши. Цѣлую вѣчнось ничего объ немъ не знаю. Но теперь не буду ему писать, убѣжденная, что все мое краснорѣчіе не возымѣетъ такого на него дѣйствія, какъ то, что Вы ему скажете на счетъ незаслуженнаго мною его молчанія.

2.

Эксъ-ла-Шапель, 1 (12) Іюня.

Я пріѣхала сюда вчера; чувствую себя хорошо такъ же какъ и дочь¹⁾; но Павлуша прихворнулъ: золотуха бросилась ему въ глаза такъ сильно, что я вынуждена была поставить ему, въ Страсбургѣ, Шпанскія мушки. Теперь ему лучше, но у него вся спина покрыта чирьями, страшно его мучающими. Расчитываю пробыть здѣсь съ недѣлю и затѣмъ, поѣду на три мѣсяца въ Спа. Въ Февралѣ буду въ Петербургѣ непремѣнно; но, Богъ знаетъ, увижу-ли я Васъ тамъ. Ради Бога, скажите-же мнѣ что нибудь на счетъ того, гдѣ Вы, здоровы-ли, и что подѣлываетъ полковникъ²⁾. Я только и знаю, какимъ онъ полкомъ командуетъ, но меня гораздо больше интересуетъ его здоровье и касающееся его возвращенія въ Петербургъ.

Москва 31 Мая.

Сегодня утромъ я была у Маріи Романовны³⁾. Ея положеніе терзаетъ мнѣ сердце, съ какой бы стороны я ни разсматривала его.

¹⁾ Княжна Анастасія Михайловна, род. 21 Февраля 1760. П. Б.

²⁾ Т. е. графъ Семень Романовичъ. П. Б.

³⁾ Старшая сестра княгини Дашковой графиня Бутурлина, о которой не сохранилось вовсе извѣстій, и мы не видали ни одного письма отъ нея. П. Б.

Отъ души желала бы помочь ей, но не вижу чѣмъ, и думаю, что только ея супругъ въ состояніи сдѣлать это. Онъ поступилъ съ ней подло, но не удивилъ меня этимъ. Человѣкъ холодный и равнодушный ко всему, что не касается его собственнаго удовольствія (т. е. разврата), рѣдко способенъ на благородные и великодушные поступки, развѣ только изъ тщеславія. Мы условились съ сестрою, что, по пріѣздѣ ея мужа, она увѣдомитъ меня, если будетъ имѣть во мнѣ надобность. Я тотчасъ пріѣду тогда изъ Троицкаго¹⁾, чтобъ оказать ей поддержку, насколько буду въ силахъ.

Сдѣлайте мнѣ, дорогой другъ, величайшее одолженіе: съѣздите съ Мещерскимъ въ таможеню получить, съ корабля капитана Rynoud Souvens, одинъ ящикъ съ окаменѣlostями, книгою и боченкомъ съ напиткомъ Ирландскихъ крестьянъ; а другой съ 20 томами Всеобщей Исторіи одного ученаго общества, и кромѣ этого посылку (которая опередила ящики) съ платками изъ толстой кисеи для m-elle Каменской, съ точно такимъ же кускомъ кисеи для меня, съ нѣсколькими книгами, эстампами и монетами. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей посланы на имя Фредерикса, а другія на мое. Умоляю Васъ, дорогой другъ, похлопотать объ этихъ ящикахъ; не скрою, что очень дорожу этими бездѣлицами.

3.

8 Января 1775 г.

За послѣднее твое, батюшка, сердечно благодарю; ты спрашиваешь, мой другъ, имѣла-ли я, какъ многіе, любопытство видѣть Пугачева, изъ чего я заключаю, что ты худо еще меня, батюшка, знаешь. Сколь ни отвратителенъ онъ по злодѣяніямъ своимъ и сколь возмездія по онымъ ни справедливы будутъ, но окованный человѣкъ и осужденный къ смерти мнѣ не иначе какъ жалостнымъ предметомъ представляется. Я его не видала и видѣть не хочу. Петръ Ивановичъ²⁾ пріѣхалъ въ Рождество; мнѣ кажется старѣе и дряхлѣе, нежели, отъѣзжая въ Петербургъ, я его оставила. Я страшусь видѣть, что онъ опаснѣе день ото дня становится. Онъ жалуется на боли внутренностей, головы и костей; эта жестокая подагра можетъ сразу подкосить его.

---

¹⁾ Село Троицкое, Тарусскаго уѣзда, Калужской губ., по большой Боровской дорогѣ, въ 18 верстахъ отъ Серпухова. Тамошніе сооруженія княгини Дашковой: прекрасный домъ на самомъ берегу рѣки Протвы, паркъ и въ немъ памятникъ Екатерины Великой. Такой же точно памятникъ, въ уменьшенномъ видѣ, поставленъ и у графа Александра Романовича въ саду села Андреевскаго. П. Б.

²⁾ Усмиритель Пугачевщины, графъ Петръ Ивановичъ Папнинъ. П. Б.

4.

Римъ, 30 Января (1782).

Сынъ мой только что выгравировалъ видъ изъ окрестностей Неаполя, а другой изъ Римскихъ. Я Вамъ пошлю ихъ, если представится случай. Папа, которому онъ представлялся, безконечно расхваливалъ его послѣ того. Я рассчитываю увидѣть его святѣйшество на этихъ дняхъ: онъ одинъ стѣитъ всѣхъ Итальянцевъ взятыхъ вмѣстѣ.

На счетъ прїѣзда ихъ Императорскихъ Высочествъ ничего еще не опредѣлено, и никто не знаетъ ни дня ихъ проѣзда, ни того, остановятся ли они на день, или всего на часъ.

Одобрете-ли Вы, мой другъ, что я не отвѣчала на милостивое письмо Ея Величества? Мнѣ казалось, что будетъ приличнѣе и почтительнѣе выразить мою благодарность черезъ Безбородко; если-же на это посмотреть иначе, пожалуйста, разъясните чтò мною руководило въ этомъ случаѣ.

Вы говорите, мой другъ, что Завадовскій не имѣлъ намѣренія оскорбить меня; пусть такъ. Но, я увѣрена, что возьми я, не спросясь его какого нибудь секретаря изъ Банка для преподаванія ариѳметики моимъ гимназистамъ, и безъ того, чтобъ послѣдній также испросилъ его согласія, Сенатъ, на мое представленіе сего секретаря къ чину, замѣтилъ бы, что это должно исходить отъ его прямого начальника, а не отъ меня; и ужъ, конечно, Завадовскому не понравилось бы, что я считаю его ни во что въ глазахъ Сената и его подчиненныхъ.

Вы говорите, дорогой другъ, что если я буду принимать все такъ горячо, никогда этому не будетъ конца. Но могу ли я не волноваться, когда со мной обращаются презрительно и унижаютъ меня въ моемъ собственномъ вѣдомствѣ? Примите въ соображеніе, въ какомъ состояніи я нашла Академію, сколько мнѣ было затрудненій привести ее въ лучшее положеніе и увидите, что, если я позволю считать меня нулемъ, мнѣ нельзя будетъ даже добиться повиновенія отъ моихъ подчиненныхъ. Съ тѣхъ поръ, чтò я въ Академіи, я три раза была вынуждена, напимѣръ, дѣлать выговоры Гурьеву. Онъ совсѣмъ не хочетъ работать для Академіи. По милости Домашнева, онъ получаетъ 600 р., а работа его не стѣитъ и шести грошей. Онъ безъ моего разрѣшенія преподаетъ въ Смольномъ. Не испросилъ онъ и моего позволенія на принятіе чина, полученнаго не черезъ меня. Я и захотѣла дать ему почувствовать, какъ онъ виноватъ передъ Академіей, и не представила

его теперь къ повышенію; а онъ, за одно съ Сенатомъ, глумится надо мной! Впрочемъ, если Гурьевъ такъ необходимъ Завадовскому, я его предоставлю ему всецѣло, исключивъ его изъ нашихъ списковъ, такъ какъ не могу держать подчиненнаго насмѣхающагося надо мною. Относительно адъюнкта Головина, не смотря на то, что онъ безъ моего разрѣшенія даетъ уроки въ школахъ, я дѣлаю видъ, что не знаю объ этомъ, такъ какъ онъ всегда выполняетъ свои обязанности по Академіи. Ограничусь выговоромъ ему за то, что онъ предпочелъ получить повышение черезъ Завадовскаго, а не черезъ меня, тоже намѣтившую его къ чию ассесора, только что имъ полученному.

По Вашему, я слишкомъ страстно отношусь къ случающимся со мною пустякамъ. Не передъ Вами же мнѣ скрывать и надѣвать личину податливости, выносливости, проявляемыхъ изъ подлости или изъ цѣлей корыстныхъ. Нѣтъ, повторяю Вамъ, другъ мой, я вѣдь ничего не прошу новаго, кромѣ преимуществъ и удобствъ, коими пользовались мои предшественники, но не хочу и не могу быть поставленной ниже ихъ. Оставили-бы только меня въ покоѣ, да чтобъ друзья Ваши не увеличивали оскорбленій, которыми меня мучаютъ, тогда я и перестану надоѣдать Вамъ, не добиваясь ничего другого, какъ возможности нести мою службу съ достоинствомъ, или же оставить ее вовсе и покинуть отечество. Все со мной приключающееся, въ настоящее время, потому такъ меня огорчаетъ и терзаетъ мое сердце, что едва-ли я проведу болѣе 14 мѣсяцевъ въ Россіи, по оставленіи Академіи.

Увѣряю Васъ, дорогой братъ, что если мое настоящее положеніе продлится, то оно сведетъ меня въ могилу; мнѣ только и остается, что получать новыя оскорбленія. Г. Завадовскій, не удостоивъ меня сообщеніемъ о своемъ намѣреніи, представилъ Сенату двухъ моихъ адъюнктовъ къ повышенію. Одинъ изъ нихъ взялся, безъ моего разрѣшенія, давать уроки въ Смольномъ или въ училищахъ; а такъ какъ онъ, вотъ уже два года, какъ вернулся изъ экспедиціи по Крыму и въ Турцію и не представилъ Академіи своего отчета и не хочетъ ничего дѣлать, я и не включила его въ списокъ, кого желала повысить. Головина-же я, напротивъ, представила въ адъюнкта, во вниманіе того, что онъ, хотя тоже даетъ уроки, но не пренебрегаетъ своими занятіями въ Академіи. Рекомендація Завадовскаго оказалась дѣйствительной и мои подчиненные получили повышение, безъ моего участія и отзыва! Нужно-ли говорить о впечатлѣніи отъ такой пощечины? Въ прошломъ году, Завадовскій переманилъ у меня одного ученика, и его сдѣлали титулярнымъ совѣтникомъ. Судите-же, легко-ли мнѣ будетъ удерживать при себѣ служа-

щих и заставить ихъ слушаться меня и уважать. Однимъ словомъ, я умоляю Васъ положить конецъ моимъ мученіямъ и выяснитъ черезъ Вашихъ друзей, очернили-ли меня передъ Императрицей и не желаетъ ли она, чтобъ я оставила мою службу? Оставаться въ настоящемъ положеніи и ежедневно поджидать новыхъ обидъ и придирокъ, мнѣ невозможно, да я ничѣмъ не заслужила ихъ. Умоляю Васъ всѣмъ, что для Васъ свято, заставить поскорѣе положить конецъ моимъ терзаніямъ, которыя волнуютъ и умъ и душу. Я не изъ такихъ, чтобъ позволить поступать съ собой такъ неблагородно; и если я не заслуживаю лучшаго обращенія противъ Орлова, Ржевскаго и Домашнева, то ужъ не знаю, что могу ожидать болѣе худшаго! Казалось бы, что мое происхожденіе, мѣсто мною занимаемое, мой полъ, удивительный выборъ Императрицы въ моемъ назначеніи, и какъ я выполняла мои обязанности, все это должно было предохранить меня отъ переживаемаго мною; а для г-на Завадовскаго, полагаю, достаточно того, что я Ваша сестра, чтобъ заставить его считаться со мною, особенно передъ Сенатомъ. Не заслужила я, моими отношеніями къ нему, получить такую пощечину. Скажите мнѣ, пожалуйста, когда Вы вернетесь въ городъ; боюсь, какъ бы не пришлось поставить себѣ завтра фонтанель, и тогда, Богъ знаетъ, когда мнѣ можно будетъ выйти. Я съ Воскресенья въ постели. Послѣ маскарада у меня совсѣмъ отнялась рука, а душевныя тревоги не способствуютъ исцѣленію отъ ревматизма.

5.

Село Дашково, 22 Маія.

Со вчерашняго дня, въ старинной вотчинѣ князей Дашковыхъ¹⁾. Доѣхала я сюда благополучно и въ вождѣнномъ здоровіи. Въ самый день моего выѣзда изъ Троицкаго, т. е. въ Среду, 14-го, Санти-отецъ²⁾, пріѣхавшій наканунѣ, далъ свое согласіе, такъ же какъ и жена его, на приведеніе въ исполненіе желаній князя Маврокордато и ихъ дочери. Повѣнчали ихъ въ 9 ч. утра и, по выходѣ изъ церкви, мы сѣли въ карету и отобѣдали у городничаго въ Серпуховѣ. Я въ восторгѣ, что это все кончено, но не думайте, что этому быстрому рѣшенію неспособствовали мои убѣжденія. Не только на словахъ, но когда графиня прислала за своимъ мужемъ, я, письменно, въ моей записочкѣ къ нему,

¹⁾ Село Птицыно-Дашково, Орловской губ. П. Б.

²⁾ Графъ Левъ Францовичъ, женатый на Аннѣ Александровнѣ, двоюродной сестрѣ кн. Дашковой (отъ Пелагеи Ларионовны Воронцовой) выдалъ дочь свою гр. Александру Львовну за князя Александра Ивановича Маврокордато. П. Б.

ясно объяснила, что мало того, что не буду уговаривать, но воздержусь отъ выставленія всѣхъ за и противъ.

Князь, съ женой и тещей проводили меня за 62 версты, до нашего ночлега. На другой день, рано утромъ, я поѣхала въ Тулу, а они вернулись. Я провела два дня въ Тулѣ, гдѣ нарочно возобновили работы, прерванныя наводненіемъ, и дали представленіе, хотя въ этотъ день не было назначеннаго. Театръ красивый и труппа очень порядочная. Губернаторъ на ножахъ съ Кашкинымъ; но все-же мнѣ первый кажется болѣе порядочнымъ со своей прямою стараго закала. Я еще никого не повидала здѣсь: губернаторъ боленъ, въ дѣлахъ полнѣйшій застой, а Беклешовъ¹⁾ отсутствуетъ. Судьи продажныя, дороги въ небреженіи; для моего проѣзда сдѣлали нѣсколько необходимыхъ починокъ на мостахъ. Изъ всего громаднаго количества земель, коими владѣтъ дворянство въ Тульской г., только десять тысячъ свободны отъ запрещеній по долгамъ.

6.

С. Дашково, 10 Іюня.

Представь себѣ, что, для сбора пятнадцатилѣтней недоимки съ однодворцевъ, изъ всѣхъ городовъ уѣздные суды отправлены съ самой Страшной недѣли, по Троицынъ день, а между тѣмъ никакихъ дѣлъ не дѣлается. Конечно, Богъ во гнѣвѣ противу Россійскихъ дворянъ попустилъ существовать вредную тварь, называемую однодворцы. Здоровье мое страдаетъ отъ моего пребыванія здѣсь. Никакіе денежные расчеты не заставили бы меня оставаться здѣсь; но, когда дѣло идетъ о благоденствіи 2950 существъ обоого пола, мнѣ подобныхъ, и судьбою ввѣренныхъ моимъ попеченіямъ, я должна жертвовать собою. Не слѣдовало бы мнѣ и ворчать на эту обузу.

Каменскій²⁾ былъ тутъ по сосѣдству на три дня. Онъ разбилъ до крови головы двумъ мужикамъ о комнатную печь, а пятерыхъ заковалъ въ кандалы. Онъ оказываетъ эти маленькія милости изъ собственныхъ рукъ. По всему, что онъ здѣсь творить и что мнѣ онъ говорилъ, когда удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ, я убѣдилась, что необходимо его засадить. Онъ жестоко ругаетъ намѣстника. А послѣдній, какъ говорятъ, въ свою очередь, отписалъ о немъ Сенату очень сильно. Это можетъ кончиться нехорошо. Если Вы не слышали, что

¹⁾ Александръ Андреевичъ Беклешовъ, съ 1790 года до воцаренія Павла, былъ генералъ-губернаторомъ Орловскаго и Курскаго намѣстничества. П. Б.

²⁾ Извѣстный Михаилъ Федотовичъ, при Павлѣ графъ и фельдмаршалъ. П. Б.

случилось съ его младшимъ сыномъ, то Васъ это займетъ. Онъ находился въ Петербургѣ. Ея Величество, узнавши, что онъ собирается бѣжать, поручила Архарову догнать его. Тому удалось настигнуть Каменскаго за Дерптомъ, съ двумя съ нимъ Французами, которые взялись доставить его во Францію. Всѣхъ трехъ подвергли строгому допросу. Молодой Каменскій показалъ, что онъ хотѣлъ бѣжать изъ Россіи по слѣдующей причинѣ. Онъ получилъ отъ отца разные подарки и деньги для раздачи нѣкоторымъ лицамъ; онъ и назвалъ ихъ, дабы они рѣшили его тяжбу въ его пользу. А тѣ рѣшили противъ него, хотя приняли подарки. Отецъ заподозрилъ, что онъ присвоилъ ихъ себѣ, а не подкупилъ ими, и требовалъ его къ себѣ, грознымъ письмомъ, для полученія наказанія, коего заслуживаетъ безчестный, блудный сынъ. „Я же, добавилъ молодой Каменскій, зная, какъ страшно наказываетъ отецъ, предпочелъ оставить отечество, чѣмъ подвергнуть себя его гнѣву“. По этимъ показаніямъ, слѣдовало бы произвести новое слѣдствіе, но отъ Императрицы все скрыли, а сообщили ей только объ отношеніяхъ отца къ сыну, на что Императрица повелѣла: отослать послѣдняго къ генералу Румянцеву, зачислить въ полкъ и не разрѣшать отлучекъ. Миѣ передавали объ этомъ вице-губернаторъ и княгиня Прозоровская, знающая все отъ своего мужа, у котораго и находится бѣдный юноша.

